

Неформальные практики формального судопроизводства (на примере арбитражной системы России)¹

Аннотация

Не секрет, что одним из политических брендов нового Президента объявлена судебная реформа. Все чаще верховная власть озвучивает призывы навести порядок в сфере судопроизводства, в частности искоренить так называемые «неправосудные решения». По словам Д.А.Медведева, это является "большой базовой задачей". "Основным ориентиром для нас является независимость суда и его эффективность", - заявил Д.А.Медведев². Но откуда берутся «неправосудные решения»? Только ли простая некомпетентность судей тому виной? Какова природа зависимости судей, и от кого?

В работе исследуются проблемы российской судебной системы, связанные с неформальным давлением на судебные органы на примере арбитражного судопроизводства в России. Рассматривается возможность субъектов корректировать работу судебной системы через использование институтов родства, дружеских сетей, коррупционного торга, «телефонного права».

Статья написана на основе экспертных интервью с непосредственными участниками судебных процессов, среди которых были предприниматели, правозащитники, адвокаты, судьи.

По мере перехода к рынку советские механизмы деформализации арбитражной практики, неформального давления на судей были демонтированы. Нет больше звонков из обкомов, прислушиваться к которым обязывает партийная дисциплина. Нищенская зарплата в ходе судебной реформы увеличена в разы, а собственно финансирование судебной системы выделено отдельной статьей и не зависит от воли исполкомов. Государство уменьшило свое присутствие в экономике в качестве непосредственного хозяйствующего субъекта, что повысило шансы на беспристрастное наблюдение за соблюдением правил игры на рынке. Однако в арбитражной системе были сформированы новые механизмы деформализации судебных решений и новые субъекты, овладевшие этими механизмами. Система зависимости судей, сформированная еще в советские времена, переформатировалась в новые практики неформального влияния на судей. Определенную роль в этом процессе сыграла история создания арбитражного судопроизводства, определенная очередность формирования звеньев апелляционной и кассационной инстанции. Также в статье рассматривается влияние на распространенность неправосудных решений таких факторов как: зависимость судей от председателя суда, от местных органов власти, перегрузка судей, сокращение общественного контроля и устранение политической конкуренции в стране. Отдельно рассматривается механизм коррупции в судебной системе.

Становление арбитражной системы РФ

Арбитражные суды наряду с судами общей юрисдикции осуществляют в нашей стране защиту «нарушенных или оспоренных прав» людей.³ Право на обращение в арбитражный суд является неотъемлемым элементом правового статуса всех организаций, зарегистрированных в качестве юридических лиц, а также граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 08-06-00460). Участники проекта: Барсукова С. (рук.), Хосуева Н., Шушанян Н.

² Новости ИТАР-ТАСС

http://www.newsru.com/russia/20may2008/medvedsud_print.html

³ Арбитражный процесс: Учебник для студентов / Под. Ред. М.К. Треушников. М.: Городец, 2008, с. 16.

лица (граждане-предприниматели).

Ученые-юристы, говоря о словосочетании «арбитражный суд», нередко подчеркивают имеющуюся здесь тавтологию, так как слово «арбитражный» в переводе с латинского означает «судебный». Но у этой тавтологии есть свой смысл. Словосочетание «арбитражный суд», вводимое в начале 1990-х годов, должно было подчеркнуть отличие новой судебной системы от бывшего арбитража, существовавшего в рамках советской системы.

Дело в том, что арбитраж был еще в СССР. Создание государственных арбитражей относится к 1930-м годам. Подчеркнем, что это были не полноценные органы правосудия, а скорее консультативные органы, чье *мнение* приравнивалось к закону. Они рассматривали хозяйственные споры, но не имели полномочий выносить судебные решения. Их задача сводилась, скорее, к примирению сторон, к снятию конфликтов в рамках одного ведомства или народнохозяйственного комплекса. Соответственно существовали такие арбитражи при Совете Министров или в рамках отдельных ведомств. Это были, фактически, третейские, т.е. договорные суды, когда участники споров принимали на себя обязательства выполнять решения таких судов в силу достигнутых договоренностей, а не в силу действия закона. И тут был простор для неформального влияния на выносимые решения. Первая линия давления - жесткий патронаж со стороны парторганов. Партийная дисциплина определяла поведение судей, которые в обязательном порядке являлись членами КПСС. Второй канал неформального влияния – распределение материальных благ и доступа к услугам через органы исполнительной власти. Обеспечение судей было увязано с их лояльностью распределяющим инстанциям, что не оставляло шансов на независимость и неподвзятость выносимых решений.

«Советский период – это период, когда государство вторгалось во все области, в том числе и в арбитражный процесс».

«Судьи раньше были зависимы от райкома ... Причем зависимость была выстроена в самой судебной системе. Судья не мог не быть членом партии. А если ты член партии, ты должен подчиняться партийной дисциплине, решениям партии и тому, естественно, райкому, если брать районного судью, иначе его вызовут на ковер и будут разбираться. И от исполкома была зависимость. Ты выносишь решение против исполкома, а жилье тебе давал исполком. Или с садиком для ребенка возникнут проблемы, или со школой».

По мнению ряда исследователей, в Советском Союзе судебная система была пронизана логикой так называемого «насильственного вмешательства» или логикой «директивы свыше». Так называемый принцип «двойной субординации» означал в советские времена то, что чиновники Комиссариата Юстиции каждого территориального уровня подчинялись по вертикали своим начальникам в этом комиссариате, а по горизонтали – местным органам власти. «За прочно воздвигнутым фасадом юридической независимости действовал целый корпус судей, которые подчинялись обстоятельствам и слушались недвусмысленных команд, исходивших от Коммунистической партии, из Министерства юстиции и даже от местных советских чиновников», - пишут исследователи. Устные команды нередко превалировали над письменными инструкциями, что получило название «телефонного права».

После крушения плановой экономики прежняя система решения хозяйственных споров потеряла всякий смысл, поскольку держалась на безусловном подчинении экономических агентов государственным органам:

«Госарбитраж – был типа третейского суда из чиновников. С тех пор, как не стало Совета Министров РСФСР и принудительного механизма загонять людей в арбитраж, к ним ходить перестали. Они же никакой распорядительной власти не имели, исполнительных листов не выпускали, они просто говорили – делай так, а ты – так. И все выполняли, потому что это государственная воля была. А теперь предприятия перестали быть государственными и подчиняться государству. Некому стало цыкнуть и приказать».

Серьезным испытанием и, в конечном счете, приговором прежней системе разрешения хозяйственных споров стал кризис неплатежей начала 1990-х годов. Госарбитраж оказался не способным разрешить взаимные претензии предприятий, испытывающих острую нехватку оборотных средств. Именно тогда стало ясно, что, с одной стороны, прежняя система разрешения хозяйственных споров не работает, а, с другой стороны, такие споры будут возникать регулярно, несмотря на идеалистические представления о саморегулируемом рынке.

«Когда все начало распадаться, расчеты сбились, и был такой, если помните, кризис неплатежей. Это когда связи разрушились: вместо того, чтобы Госплан и Госснаб занимались распределением всего, возник дисбаланс в экономике. А никакого рынка еще не было. Кто-то напроизводил труб, отгрузил их, а тому, кому он отгрузил, они на фиг не нужны были. И началась канитель. Недостаток оборотных средств, все зависли. Короче, Госарбитраж с этой задачей не справился. А справился Центробанк РФ, который тупо выпустил денег на сумму неплатежей, примерно два бюджета. Их влили в экономику, все друг другу перечислили, украли сколько надо и опять все зависли. Цены подскочили, конечно. Такая была канитель. То есть арбитраж как регулятор не сработал».

В 1992 г. создается судебная система разрешения хозяйственных споров, т.е. формируется *арбитражная судебная система*, решения которой становятся обязательными для исполнения, поскольку основаны на законе. В 1992 г. принимается первый Арбитражный процессуальный кодекс РФ. (Второй и третий АПК РФ принимаются соответственно в 1995 и в 2002 гг.) По сути, это была попытка приучить предпринимателей к цивилизованному разрешению споров, которые с учетом экономической неразберихи того периода возникали довольно часто. Единственный способ решить эту задачу – создать систему высококвалифицированного правосудия, пользующегося доверием предпринимателей. С этой целью во всех субъектах РФ создаются арбитражные суды. Председатели арбитражных судов назначаются Постановлением Верховного Совета.

«Решили, что арбитраж должен быть органом власти. А какая у нас власть может быть? Законодательная, исполнительная и судебная. По теории, по крайней мере. А все любили по теории работать. Ну все, сейчас орган судебной власти создадим... Потому что народные суды не могли с этой задачей справиться, они вообще не отличали платежку от фактуры и до сих пор плохо отличают. Создали экономические суды, по сути. У нас это суд, который выпускает исполнительные листы, принудительно их исполняет. Расстрельные приговоры не выносит, но все остальное делает».

За простой констатацией факта создания арбитражных судов скрывается довольно драматичная история их легитимации. В начале 1990-х предприниматели слабо верили в возможность правовых решений экономических споров, а государство не имело ни силы, ни авторитета их в этом убедить. «Правосудие» вершили всевозможные «крыши». Они фактически подменили собой арбитражную систему, формируя доверие агентов друг к другу через страх наказаний со стороны криминалитета. Изменить ситуацию только репрессивными мерами было невозможно. Нужно было показать преимущества судебных разбирательств по сравнению с внесудебным решением «по понятиям». Это было не просто, поскольку криминалитет был хорошо организован и работал в качестве «теневого арбитража» быстро и четко, да и плата за его услуги была посильна. Государственный арбитраж по крупицам формировал доверие к себе.

Деятельность арбитражных судов призвана разрешать три типа конфликтов:

- споры хозяйствующих субъектов с госорганами;
- споры между предприятиями;
- корпоративные споры.

И первым удачным опытом, к тиражированию которого потянулись предприниматели, были споры с государственными органами, чаще всего – с

налоговым ведомством. Дело в том, что предприниматели не спешили вмешивать арбитраж в решение споров друг с другом, привычно разрешая конфликты с помощью «теневого арбитража» в виде криминалитета. Обратиться в арбитраж означало испортить отношения окончательно и бесповоротно. Корпоративные споры тоже умели решать без помощи арбитража: страх физического насилия убеждал несговорчивых акционеров быстро и дешево.

«Есть еще разные варианты. В 1990-х годах они практиковались, пока арбитражный суд силы не набрал. И другие способы были решения вопросов. ...Бандитский арбитраж, когда функцию судьи, который решает, кто прав и кто виноват, выполняли криминальные авторитеты или силового плана бизнесмены брали на себя. Кто-то же должен решать вопросы? Невозможно, чтобы никто спор не разрешал. Предел человеческой жадности может быть положен только страхом».

А вот споры, возникающие в отношениях с госорганами, было крайне трудно разрешить с помощью «братвы». До «красных крыш» в виде милицеских органов дело еще не дошло, их время придет только в конце 1990-х. Поэтому первым не декларативным, а реальным полем деятельности арбитражных судей, где «крыши» были неконкурентоспособны, стали разборки предпринимателей с государственными органами. Почти три четверти споров с налоговиками решалось в пользу бизнеса. Т.е. арбитраж в начале 1990-х укрепился как институт защиты прав собственности во многом благодаря тому, что смог заполнить реально существующий вакуум решения споров с госорганами, в частности с налоговым ведомством. «Крыши» с этой задачей справлялись неэффективно, соотношение цены и качества решения таких вопросов было явно в пользу арбитража;

«Арбитражные суды вытаптывали себе поляну, потому что никто их как суды, как серьезных людей не воспринимал, у арбитражных судов не было мощи. Но у них была возможность отменить или признать недействительными решения налоговых органов и 70% таких решений признавались недействительными и незаконными. А поскольку налоговый орган не мог ничего противопоставить госсуду, то первую мощь приобрели суды на спорах с госорганами, в первую очередь с налоговиками, которые сами были новыми, у них не было мощи. И так первые лет 5-7 арбитражные суды самоутверждались».

Кроме того, отдельные, сначала немногочисленные случаи решения споров между предприятиями с помощью арбитража убеждали, что этот орган наделен реальной силой. Информация об этом расходилась в предпринимательской среде, изживая прежнее скептическое отношение к арбитражу советского образца, решения которого были производными от «линии партии» и не имели статуса судебных решений;

«Молодняк, вот как я, мы делали на этом просто волшебные вещи. Вроде с арбитражем никто не считается и вдруг раз – судебный акт. Ну и хрен с ним. А потом вдруг хрясть – и судебный акт начинает исполняться. Ну и ладно. А потом раз – и деньги уходят из банка».

«Очень много стало экономических споров связи с тем, что многие люди перестали стрелять друг в друга, поскольку это не приносит результатов, а пошли судиться. Частным предпринимателям, которые без образования юр.лица, сначала арбитражные суды отказывали, а потом законодатель поправил их. Они по законодательству РФ равны во всем организациям».

Итак, арбитраж встал на стражу закона в области экономического права. На смену третейскому суду пришел судебный орган, опирающийся на арбитражный процессуальный кодекс. А поскольку нет, как известно, ничего более формализованного, чем сухой слог закона, то, казалось бы, с неформализованными алгоритмами принятия арбитражных решений можно было распрощаться. Прежние механизмы деформализации арбитражной практики, неформального давления на судей были демонтированы. Нет больше звонков из обкомов, прислушиваться к которым обязывает партийная дисциплина. Нищенская зарплата в ходе судебной реформы

увеличена в разы, а собственно финансирование судебной системы выделено отдельной статьей и не зависит от воли исполкомов. Государство уменьшило свое присутствие в экономике в качестве непосредственного хозяйствующего субъекта, что повысило шансы на беспристрастное наблюдение за соблюдением правил игры на рынке. На этой оптимистичной ноте можно было бы и закончить. Но жизнь всегда сложнее и изобретательнее упрощенных схем. По мере становления арбитражной системы были сформированы новые механизмы деформализации судебных решений и новые субъекты, овладевшие этими механизмами. Система зависимости судей, сформированная еще в советские времена, переформатировалась в новые практики неформального влияния на судей. Но ведь любое судебное решение можно обжаловать, что должно сдерживать распространение неправосудных решений. Познакомимся с тем, как выглядит система «проверки качества» арбитражного судопроизводства в России.

Работа над ошибками: апелляция и кассация

Как и положено судебной системе при формировании арбитража был предусмотрен механизм проверки правомочности вынесенных решений. Эта проверка проходит не автоматически, а только в случае несогласия одной из сторон с судебным решением. Решение суда первой инстанции проверяет арбитражный апелляционный суд. Идея понятная и разумная. Более забавно выглядела ее реализация.

Дело в том, что арбитражные апелляционные суды создавались в условиях жестких временных и финансовых ограничений. Они были укомплектованы людьми, еще вчера работающими в судах первой инстанции. Да и зданий своих у апелляционных судов сначала не было, они делили площади с теми, кого должны были проверять. Разве что, если позволяли условия, разъезжались по разным этажам. Вчерашние коллеги, приятельствующие или конфликтующие, по-прежнему работали бок о бок, но при этом поделались на тех, кого проверяют, и тех, кто проверяет. Согласно формальному праву они представляли независимые судебные инстанции. Но между ними было прочное натяжение прежних рабочих и человеческих контактов, а пространственная близость не оставляла надежд на их ослабление. Даже буфет был общий. Очевидно, что в этих условиях апелляционная инстанция была тесно погружена в межличностные отношения с бывшими коллегами, да и каналы распределения материальных благ у них были общие.

«Они сидели, пили чай в одной столовой – судьи, которые выносят решения и те, кто их проверяет в полном объеме. То есть одни вдруг стали выше, другие ниже по инстанции. И тут же вместе тусуются, у них снабжение одно, один начальник. То есть система была так себе в смысле независимости, но, по крайней мере, это не так дорого было и можно было запуститься и начать работу».

Недостаток независимости проверочной процедуры побудил достроить систему еще одним этажом – ввести кассационную инстанцию. Так в 1995 г. – принимается Федеральный Конституционный Закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» (от 01.07.1995), согласно которому формируется новая инстанция в системе арбитража, которая ранее не была известна российской государственно-правовой организации. Речь идет об образовании **10 федеральных арбитражных окружных судов**, которые явились **кассационной инстанцией**. Кассационной инстанцией арбитражных судов прежде в России не было. Такие федеральные арбитражные окружные суды должны проверять судебные решения, принятые как арбитражными судами субъектов РФ, так и арбитражными апелляционными судами. Подчеркнем, что окружное устройство кассационного судопроизводства не совпадало с административным делением страны. Это было сделано вполне сознательно, чтобы повысить объективность и независимость суда от иных ветвей власти. Председатели

федеральных арбитражных окружных судов назначаются Указом Президента Российской Федерации.

«Поскольку система только создавалась, то это понятно, требовалась дополнительная проверка качества. Двухзвенная система предполагает, что один суд решает, другой – проверяет. А трехзвенная – проверяет два суда».

На этом формирование системы не остановилось. Все понимали порочность тесной связи апелляционного органа с судами первой инстанции. И вот в 2003 г. выходит Закон «О внесении изменений и дополнений в Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в РФ» (от 04.07.2003), согласно которому предполагается образовать **20 арбитражных апелляционных судов**. Эта новая инстанция использует окружной принцип, который ранее был применен к построению системы кассационных судов. Идея выделения арбитражных апелляционных судов состояла в отделении апелляции от первой судебной инстанции. Тем самым исключалась ситуация, при которой в арбитражном суде субъекта РФ принимается решение и тут же осуществляется его проверка.

На верху этой пирамиды – Высший арбитражный суд РФ. Роль Высшего Арбитражного Суда – обеспечение единообразия судебной практики. На ВАС РФ возложены функции по изучению и обобщению практики применения законодательства арбитражными судами; подготовке и осуществлению предложений по ее совершенствованию и унификации. Пленум ВАС дает арбитражным судам разъяснения по вопросам применения законодательства. В исключительных случаях ВАС рассматривает конкретные дела.

Схематически структура арбитражной системе представлена в табл. 1.

Таблица 1

Структура арбитражной системы РФ

1 уровень	81 арбитражных судов РФ (арбитражные суды республик, краев, областей, городов федерального значения, автономных областей и автономных округов)
2 уровень	20 арбитражных апелляционных судов (апелляционная инстанция по отношению к арбитражным судам субъектов РФ)
3 уровень	10 федеральных арбитражных судов округов (кассационная инстанция по отношению к судебному округу)
4 уровень	Высший Арбитражный Суд РФ

То есть решение судов первой инстанции при несогласии одной из сторон можно обжаловать сначала в одном из двадцати апелляционных судов, а затем можно подать кассацию в один из десяти федеральных арбитражных окружных судов. Если очень повезет, можно дойти до Высшего арбитражного суда.

Доля обжалованных дел в арбитражных судах с учетом кассации примерно 18-20% (примерно как в судах общей юрисдикции). Из них порядка 40% отменяются. А все остальные 80% - не проверяются.

Представим себе предпринимателя, скажем, из г. Бердска Новосибирской области. География его арбитражной практики выглядит следующим образом.

Первый уровень - арбитражный суд Новосибирской области (г.Новосибирск).

Второй уровень – седьмой арбитражный апелляционный суд (г.Томск), куда направляются апелляции по решениям, принятым арбитражными судами Алтайского края, Кемеровской области, Новосибирской области, Республики Алтай, Томской области.

Третий уровень – Федеральный арбитражный суд Западно-Сибирского округа (г.Тюмень), осуществляющий проверку решений, принятых арбитражными судами Алтайского края, Кемеровской области, Новосибирской области, Омской области, Республики Алтай, Томской области, Тюменской области, Ханты-Мансийского

автономного округа, Ямало-Ненецкого автономного округа, а также судебных актов 7-ого и 8-ого арбитражных апелляционных судов.

Четвертый уровень – Высший Арбитражный Суд РФ (г. Москва).

То есть бердский предприниматель должен судиться сначала в Новосибирске, потом в Томске (апелляция), затем в Тюмени (кассация). А предприниматель из Норильска первую инстанцию должен проходить в Красноярске, а кассацию подавать в Иркутске. Если судебных заседаний несколько, а предприниматель – не хозяин «Норильскникеля», а простой представитель малого бизнеса, то он сильно подумает о пользе арбитража.

Такая структура арбитражной системы имеет три следствия.

Во-первых, судиться становится элементарно дорого. Географический размах определяет размер транспортных затрат. Неудивительно, что таких правдоискателей оказывается не много. Соотношение цены и качества решения проблем снижает привлекательность арбитража, что увеличивает популярность внесудебных решений экономических споров. Кроме того, рост издержек легального судопроизводства повышает «рентабельность взяток». Примерно предполагая, во что обойдется арбитражное дело, если придется проходить все инстанции, предприниматель готов выложить сумму, подстраховывающую результат.

Во-вторых, сложность системы отпугивает людей. Людям не очевидно, что арбитражная апелляционная инстанция, которая находится совершенно в другом городе, правомочна пересматривать дела местного масштаба на определенном этапе судопроизводства. Действительно, далеко не все знают, что на 3-4 субъекта федерации в России приходится одна апелляционная инстанция, а на 10-15 субъектов федерации – одна кассационная инстанция. (Только в Москве все инстанции находятся в одном городе.)

В-третьих, из незнания рождаются домыслы. Плохая осведомленность создает у граждан ощущение безвыходности и готовность поверить в то, что решение суда принималось под воздействием неформальных рычагов, включая элементарную коррупцию.

Можно сколько угодно пенять на низкую правовую грамотность граждан, не видящих преимуществ такой многозвенной системы. Но и сами юристы далеки от ее идеализации. Исторически апелляционная инстанция формировалась «в теле» судов первой инстанции. Территориальное обособление, случившееся спустя десятилетие «совместного проживания», не могло разрушить наработанные неформальные связи судей и их контролеров. Жестко и четко ситуацию квалифицирует наш эксперт:

«Создали такую систему, номинально трехзвенную, но фактически это просто удлиняло на два месяца путь к окончательному решению».

Неформальные коррективы формального порядка

Суд кажется воплощением формального порядка: процедура жестко закреплена, решения предопределены законом. Однако существует множество моментов в деятельности судов, допускающих неформальные коррективы выносимых решений. Большая часть таких неформальных регуляторов относится как к арбитражным судам, так и к судам общей юрисдикции. И значительная их часть не имеет отношения к коррупции.

Одним из каналов давления на судей является их ***зависимость от председателя суда***. Изначально предполагалось, что председатель суда будет «первым среди равных», таким же судьей, которому на время даны некоторые организационные и административные полномочия. Оказалось, что роль этих полномочий столь велика, что председатель суда стал ключевой фигурой во многих процессах. Судья может и не вполне понимать, ради чего или кого его подталкивают к тому или иному решению. Он

просто выполняет рекомендации председателя, не участвуя в «большой игре».

«Председатель есть ключевая фигура. Со временем пришли к очень простой мысли: зачем выходить на каждого конкретного судью, проще выйти на председателя. А он уже, поскольку судьи от него зависят, вопрос решит. Это удобно».

Зависимость от председателя суда имеет четыре измерения:

- материальная зависимость судей (вопросы отпусков, распределения квартир и пр.),

- зависимость условий труда (выделение отдельного зала для заседаний или совмещение его с рабочим кабинетом и пр.),

- зависимость карьерного роста (распределение дел, аттестация, продление полномочий и пр.). Правда, пытаюсь уменьшить зависимость судей от начальства, дела стали распределять с помощью компьютера. Но появились новые способы «игры с компьютером», реанимирующие роль председателей судов в распределении дел.

«Если дела дадут губительные, то есть по которым ты не вынесешь правосудного решения, то ты будешь заваливать сроки, выносить решения, которые будут все время отменяться в вышестоящих инстанциях».

«И когда председатель суда хотел добиться своего, то он мог этого добиться жестко, просто завалив баранками нижележащего товарища, а потом, когда приходит время квалифицировать тебя, говорят: «Смотри, у парня черных шаров 70%. Он некачественно работает. Может его аттестовать соответственно?». Измеритель работы судьи какой? Количество отмены. При такой системе, понятно, председатели судов имели и будут иметь судей. Председатель имеет достаточно много возможностей влиять на судьбу судей и они ложатся все ниже и ниже».

- зависимость в получении статуса пожизненного судьи, что возможно после нескольких лет судейства по представлению председателя суда.

«Если ты не встроен в систему, она тебя выкидывает. Поэтому есть испытательный срок. Вот тебя такого хорошего всасывает, и если ты нестроишься в эту систему, тебе скажут «до свидания». Просто не продлили и привет. И дискредитирующих обстоятельств не надо. Система такая самоочищающаяся, селекция там есть».

«Он понимает, что если плохо себя поведет, то председатель его просто не представит без объяснения мотивов и обжаловать это никуда нельзя. За это время мы делаем послушным судью. И очень часто у многих это и дальше идет на автомате».

Помимо зависимости от председателя суда существует **зависимость от местных органов власти**. Арбитражи первой инстанции созданы в каждом субъекте федерации. И они очевидным образом зависят от региональных властей в части выделенных зданий, их ремонта, квартир для судей, мест в детских садах и пр. Когда создавали суды третьей инстанции (кассационные), а позже проводили отделение второй инстанции (апелляционной), то сознательно пошли на выделение судебных округов вразрез административному делению страны. Тем самым косвенно подтвердили, что территориальная администрация оказывает влияние на арбитражные суды, с чем призвана была бороться новая пространственная модель российской арбитражной системы. Не случайно региональные власти перетягивали на себя одеяло в части размещения апелляционных и кассационных арбитражных судов. Например, право создать апелляционный суд, обслуживающий ряд западно-сибирских областей, получил сначала Новосибирск, а потом это решение было развернуто в пользу Томска. Можно только гадать, что стояло за сменой решения. Но то, что региональные власти не пассивно ждали его принятия, а включали доступные им каналы влияния, безусловно. Первая же инстанция осталась в хозяйственных тисках региональных властей. В этой ситуации принимать решения, противоречащие интересам власти, означает создание конфликтной ситуации не только с властью, но и с коллегами, теряющими вполне осязаемые блага. Это рождает феномен не столько личной, сколько корпоративной лояльности судей территориальным властям. Поучительна история с плавучими ресторанами в Москве. Московские власти решили их упразднить, те подали заявление в арбитражный суд. Все три инстанции арбитража, расположенные в

Москве, встали на сторону мэрии. И только ВАС (Высший арбитражный суд) признал действия мэрии незаконными. ВАС мог себе позволить быть независимым от мэрии ввиду своего высокого положения.

«Через префектуру идет многое ... Вот судьям могут выделять квартиры. Но это в том случае, если местная власть посчитает это нужным. Если председатель, скажем, будет не очень популярен, то ему ничего не будет от этой власти».

Неформальное давление зачастую не встречает должного сопротивления в силу *перегрузки судей*. Надо сказать, что арбитражные судьи работают в условиях цейтнота. Экономических споров стало очень много, поскольку альтернативный источник доверия контрагентов друг к другу в виде бандинского судилища потерял силу. Арбитражные суды страны рассматривают в год более 1,5 млн. дел⁴. На одного арбитражного судью в 2006 г. приходилось в месяц 54 дела. И это средний показатель. Скажем, в Арбитражном суде Омской области на одного судью в месяц приходилось 88 дел⁵. Как сказал один из экспертов, «система забила пробками». Ее пытаются сделать более пропускной – увеличивают количество судей, вводят штатную единицу помощника судей, строят новые здания судов и пр. – но перегрузка судей остается существенной. И хотя в арбитражных судах на одного судью приходится меньше дел, чем в судах общей компетенции, но сложность экономических споров зачастую приводит к тяжелейшему переутомлению судей. Колоссальная загрузка приводит к тому, что неизбежны отмененные решения, нарушенные сроки и процедуры. В результате судьи всегда виновны перед начальством. В таком состоянии они не имеют ни сил, ни желания противиться направляющему влиянию «старших товарищей».

«Два года назад можно было видеть судей, у которых в производстве одновременно находилось до 200 дел гражданских. То есть это невозможно исполнить вообще никак. Поэтому и зависит судья от начальства. Он вечно в косяках».

«Количество дел там лавинообразно растет. Наша коллега ушла в арбитраж. Днем рассматривает. Ночью отписывает. Уже сама не рада».

Готовность прислушаться к направляющей рекомендации, в чью пользу решить дело, зачастую связано не с коррупцией, а с элементарным желанием уменьшить *груз психологических проблем*, снять с себя ответственность. Ведь в отличие от адвокатов судьи не выбирают дела. Без веских причин они не могут отказаться от порученного им процесса, каким бы трудным он не был. Только молодой и неизвестный адвокат без клиентуры берется за все подряд. А судья, каким бы опытным не был, разбирает все, что ему поручат. Судья приговорен к делу, и это влияет на его психологическое состояние. Конечно, у судей есть внутренняя специализация, но это ничего не меняет – в рамках специализации попадают труднейшие дела с мощными игроками, противостоять давлению которых психологически очень трудно.

«Вообще судья что делает? Он решает судьбу людей, которые к нему никакого отношения не имеют. Сидит вот и роль бога на земле вершит. А трудно быть богом».

«Вы пробовали каждый день решения принимать? А тут они каждый день принимают решения, которые реально что-то в жизни меняют. Известно, например, что одна из самых пьющих юридических специальностей – это адвокат. Ты имеешь психологическую проблему...»

«С ними должен работать психолог, чтобы он выстроил непродавливаемость судей».

Заметим, что у нашего правосудия женское лицо, то есть численно преобладают судьи-женщины. Причем немолодые, поскольку путь к судейству занимает годы. И если им подставляют плечо вышестоящие коллеги, советуя так или иначе решить вопрос, то у кого-то это вызовет протест, а у кого-то благодарность.

«Там же женские коллективы. Их сейчас разбавляют мужчинами активно, гендерное равновесие пытаются установить. Конечно, никто не объявляет, что есть

⁴ <http://www.arbitr.ru>

⁵ Прокудина Л.А. Оптимизация в организации арбитражного судопроизводства в России. – М.: ИД «Юриспруденция», 2007. с.8.

дискриминация в отношении женщин при приеме в состав судей. Но настолько сильный перекос, что все нравы, привычки, уклад – женские в арбитражных судах».

Психологические проблемы, связанные с необходимостью вершить чужие судьбы, казалось бы, менее выражены в арбитраже, поскольку нет речи о сроках лишения свободы. Но, с другой стороны, психологически работать в арбитраже труднее, поскольку участники разбирательств, как правило, являются компетентными, сильными и агрессивными защитниками своих интересов. Давление с их стороны, помноженное на давление начальства и группировок внутри арбитражной системы, психологически выдержать непросто.

Сыграло роль и сокращение *общественного контроля*. Гласность, при всех комичных ассоциациях с правлением М. Горбачева, способна удерживать судей от явных злоупотреблений. Но доступ к судебным процессам, к материалам суда становится все более затруднительным, причем без всяких изменений в формальных нормах. Арбитражный суд – наиболее закрытая территория судейства. Ссылаясь на секретность данных, судебное решение вопроса полностью защищено от общественного контроля. Под видом борьбы за независимость судей сокращаются возможности контроля со стороны правозащитных организаций, СМИ, исследователей. Что касается данного проекта, то он был весьма трудно реализуемым с точки зрения готовности экспертов давать интервью. Большая часть интервью заканчивалась напоминанием гарантий анонимности.

«Если отсутствует контроль, всегда будет так. Мы взяли лозунг «Независимость судьи» и переплюнули всех, кого только можно было переплунуть. Они независимы от всего: от совести, от закона».

«Создают препятствия, которые законом не оговорены. В законе написано, что ты имеешь право присутствовать, а тебе говорят, - да, ты имеешь право, но с разрешения».

«Не пустят, хотя законодательно это не запрещено. Это уже свои правила, которые вводятся явочным порядком».

«Суды нужно открывать, то, что там происходит, это полный уже беспредел. Если бы это все записывалось, так бы себя не вели. Демонстративно и нагло просто. Они сидят и скучают, потому что для них вопрос уже решен. Они свое уже получили, для них только потеря времени».

«У нас сейчас суды арбитражные «минируют» каждую неделю, звонки поступают, чтобы процесс сорвать. Не реагировать нельзя в наших условиях. Вот и установили пропускную систему, металлоискатели и прочее. А ведь на суд каждый по правилам может попасть, если захочет. Это элемент контроля за судом».

Зависимость судей вписывается в общие тренды *политических изменений* в стране - отсутствие реальной оппозиции, однообразие суждений, взаимозависимость ветвей власти.

«Вот в 90-ые годы ... Жизнь все-таки выплескивала на поверхность наиболее видные фигуры, высококлассных специалистов, людей, которые не от кого-то шли, а которые сами себя сделали. Вот Конституционный суд возьмем. Ведь это были фигуры... И по положению там должны быть люди достойные, кого знают в рамках юридического, а не политического сообщества. ...А вот сейчас, если назначают людей, то мы их не знаем. Откуда они там берутся? Где гарантии, что они такого же уровня?»

«Там, где есть реальная оппозиция (а не просто формальная), когда я понимаю, что завтра меня может здесь не быть, и на моем месте будет мой противник. Тогда куда я смогу обратиться за помощью? Только в суд. Больше некуда. Потому что все остальное будет подчинено новой власти. Только суд защитит. Но для этого суд должен быть независимым».

«Налоговая в арбитраже проигрывает до 70% дел. Но политика меняется. Был период 90-х. Судьи почувствовали, что отдушина пошла. А сейчас вот ... Они же говорят: «Ведь мы должны думать о бюджете». Понимаете? И как только судье советуют подумать о бюджете, что мы получаем? Бюджет не добирает, если вот эти не доплачивают... Вот эти тенденции, конечно, есть».

«Послушный» арбитраж стал одним из элементов проводимой экономической

политики. При слабой государственности 1990-х годов арбитраж либо был игнорируем экономическими игроками, либо действовал в интересах отдельной локальной группировки. В массовом рейдерстве 1990-х обходились без арбитража, привлекая криминалитет или используя административный ресурс в чистом виде – подгоняя ОМОН, возбуждая уголовные дела против собственников и т.д. Затем рейдерство цивилизовалось, включив в арсенал средств арбитраж. Поводом для подачи иска могло стать все, что угодно: претензии миноритарного акционера, всплывшие долги (возможно, фиктивные) и пр. Арбитраж стал инструментом рейдерства. В 2000-е годы разнообразные каналы влияния на судей стали сливаться в один мощный приводной ремень, связывающей арбитраж с региональной или федеральной властью. По мере упразднения губернаторских выборов деятельность арбитража пришла в соответствие с моноцентристским характером власти.

Коррупция в судах

Но, конечно, не обходится и без коррупции в деятельности судей. При этом надо различать коррупцию добровольную и вынужденную. Во втором случае судья получает вознаграждение за решение, которое он вынес бы без всякой оплаты под гнетом других обстоятельств (зависимость от председателя суда, угроза жизни и пр.). Если взять статистику квалификационных коллегий (органов, имеющих право прекращать полномочия судей), то по порочащим основаниям отстраняют от работы примерно 60-100 судей в год. Учитывая, что арбитражных судей в стране около 7 тысяч, а в судах общей юрисдикции порядка 24 тысяч, то прекращение полномочий по порочащим основаниям - крайне редкий случай.

Надо сказать, что общественное мнение, не знакомое со статистикой, прочно приписывает судам коррупционный характер. Согласно опросу населения, проведенному Институтом социологии в 2007 г., около половины респондентов считают, что коррупция высоко распространена в органах судебной системы. Из восемнадцати предложенных для оценивания государственных институтов суды заняли четвертое место, уступив только ГИБДД, милиции и Государственной Думе⁶. Не отрицали коррупцию судебной системы и наши эксперты.

«Для коммерческих судей важно, сколько сантиметров положили на чашу правосудия. У нас в офисе есть подаренная нам на юбилей богиня правосудия с завязанными глазами, голой грудью, как положено. И весами. Так вот злобные адвокаты, проходя, кладут ей на весы монеты. Когда клиенты заходят, начинают смеяться».

Что же касается смещений «по порочащим основаниям», то явное упрощение видеть в этом победу правого дела. По крайней мере, наши эксперты, проработавшие в судебной системе много лет, интерпретируют «разоблачения» скорее в терминах конкурентной борьбы кланов, считая, что «фигура для заклания» тщательно подбирается и согласовывается. Обращает внимание и то обстоятельство, что смещением с должности все и заканчивается: уголовные дела, как правило, не открываются, дабы история не получила дальнейшего расследования и огласки.

«Иногда идет конкурентная борьба, нужно освободить место для своего человека, не более того. Это же бизнес, по сути дела, очень выгодный. Поэтому конкурирующие каналы борются между собой».

Но арбитраж – особое место. Его специфика вытекает из характера рассматриваемых дел. Это не разводящиеся супруги или конфликтующие соседи, это споры экономических субъектов с государственными органами или друг с другом, разрешение корпоративных конфликтов. Речь идет о принципиально ином уровне материальных претензий. Отсюда следует особое, более статусное в профессиональном

---

⁶ Латов Ю. «Глас народа» о проблемах коррупции: закономерное и парадоксальное // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. Том 6. № 2.

смысле положение арбитражных судей. В среднем они профессиональнее и моложе своих коллег из судов общей юрисдикции. Учитывая, какова цена вопроса по тем делам, которые рассматриваются в арбитражных судах, легко представить силу коррупционного соблазна.

«Арбитраж в целом – место более жирное. Во-первых, арбитражных судов и судей просто меньше. Во-вторых, там узкое горлышко и давление очень мощное, поэтому там больше денег, влияния, возможностей. Потому арбитражная система очень коммерциализирована. И подонков там изрядно скопилось».

Истоки коррумпированности арбитража надо искать в начале 1990-х. Создали орган, наделенный существенными полномочиями в условиях передела огромной собственности, но судьям предложили работать за весьма скромное вознаграждение. В условиях, когда их решения определяли конфигурацию будущих бизнес-империй.

«А как это сложилось... Изначально они были поставлены в условия недофинансирования, когда в судах не было конвертов, мизерные зарплаты, огромные нагрузки. В этой ситуации те, кто мог что-то делать, они ушли в адвокаты, куда угодно, в частную практику. Остались люди, которые либо небольшие профессионалы, либо им эта зарплата была уже просто не нужна. Имея эту власть, человек стал продавать то, что у него имелось - свои полномочия. И когда спохватились с приходом Путина, давайте повысим зарплаты судьям, уже поезд ушел. Повысить повысили, но она им была уже не нужна по сравнению с тем, что они могли получить помимо».

Разговор о коррумпированности судей всегда проходит в обличительной манере. Мы далеки от защиты этого явления. Но давайте будем объективны и признаем, что в нынешней ситуации далеко не только патологически корыстолюбивые судьи оказываются вовлечены в систему проплаченных решений. Комплекс причин гораздо шире. Назовем лишь некоторые.

1) *материальный интерес компенсирует те трудности, с которыми неизбежно сталкиваются судьи*: колоссальная интеллектуальная и психологическая нагрузка, неизбежный шлейф отмененных решений, легко конструируемая «виноватость» и, как следствие, зависимость от председателя суда. Зарплата у судей повысилась, но эти деньги в других сферах деятельности получают при несопоставимо меньших нагрузках.

«Ну прикинь, какая мотивация у человека идти туда работать, где он имеет такую нагрузку, где он все время виноват, потому что он никогда не сможет исполнить то, что ему поручено, где он вынужден ежедневно упражнять свой мозг на грани, потому что там аналитическая нагрузка безумная. Где ему дают то, что пришло. Это дела, по которым невозможно вынести правосудное решение в рамках действующей системы. И твое решение может быть отменено, и будешь ты ходить с эти черным шаром. Вот он берет это дело, и тоска в глазах у этого судьи тяжелая, зеленая... Поэтому что им остается? Ведь как-то же надо интерес к делу поиметь».

2) *идеологический перекося в пропаганде ценности денег в ущерб ценности профессионального долга*.

«В России капитализм насаждается силой, огнем и мечем. Поэтому люди немного перестарались в пропаганде ценности денег. Многие поверили, что деньги имеют самостоятельный смысл. И поскольку общество из своих рядов исторгает судей, там тоже есть такие».

3) *судебная система отрабатывает долги перед теми, кто оказывает материальную поддержку судам*. Такими спонсорами могут выступать как власти разных уровней, так и предприниматели. Речь идет не об индивидуальной взятке, а о принуждении посредством корпоративной благодарности за отремонтированные здания, купленные жалюзи, разбитые клумбы и пр. Чтобы быть лично независимым, надо работать в независимой структуре.

«Кто-то организует праздники судьям, обставляет столовые, кабинеты, строит здания. И за это иногда выносятся нужные решения. У нас было дело в Ханты-Мансийске, я лично ездил по процессам. ... когда я получал исполнительных листов на три миллиона долларов, они проснулись и снесли мне все к чертовой матери двумя движениями. Просто они поучаствовали в строительстве нового здания арбитражного суда силами

своей строительной компании. Это спонсорство всегда можно так организовать, что оно будет выглядеть легальным, но это тоже коррупция».

4) *создана и успешно функционирует «инфраструктура», опосредующая контакт заинтересованных лиц и судей.* Эти «жучки» замыкают на себя переговоры, торг, оплату, отражение претензий и т.д. Их деятельность настолько распространена, что судья может принимать проплаченные решения, не догадываясь об этом и не получая ничего взамен. Решение может не иметь коррупционной составляющей, но найдутся люди, приписывающие это решение своему влиянию и предъявляющие это к оплате.

«Вот президент же РФ не берет взятки. Это понятно. Многие бы готовы были принести, и при этом не провалились бы от стыда за неверное принятое решение. Он не берет. А решения принимает тем не менее такие, за которые взятки платят. А кто берет эти взятки? Есть люди, которые умеют влиять».

Судья встроен в систему проплаченных решений, которая работает как хорошо отлаженный механизм и не требует его личного контакта с взяткодателями. Для коррумпированного судьи риск быть уличенным минимальный, поскольку денежные потоки напрямую не связаны с тем, кто выносит судебное решение. Особую роль в коррупции судей играет адвокатский корпус. Помимо принятой оплаты (обычно 2000 долларов за три судебных заседания и подготовку документов) и «гонорара успеха» (10% от суммы иска), адвокаты предъявляют к оплате свою реальную или мнимую способность «заносить» в карманы судей.

«Адвокаты разные. Есть те, которые зачастую мало разбираются в правовой стороне вопроса, но которые говорят, что у них все схвачено. Это не административный ресурс, когда на судью сверху давление происходит. Это продавливание сбоку».

«Пока есть судьи, которые берут, будут адвокаты, которые дают».

«Встретил знакомого адвоката, говорю: «Как успеваешь к процессам готовиться?» Он открывает портфель, там у него пачки денег лежат. «Вот моя подготовка» - говорит».

«Было время, когда судьи просто уходили в адвокаты, т.к. у них была очень невысокая зарплата. Но связь-то не теряется. ... и судьи часто к ним направляют: «Возьми вот этого адвоката. И с ним все порешаешь». Адвокат вбивает в гонорар затраты на судью. Он может говорить, что это пойдет на взятку судье, может не говорить ... Тебе нужно выиграть, плати столько-то за мою работу».

Существует мнение, что «заносят» только плохие адвокаты, не умеющие выигрывать процесс за счет квалификации («Ты умный, а я – хитрый»). Но такая версия не нашла поддержки у большей части наших экспертов, отрицающих прямую связь квалификации и включенности в коррупционные цепочки.

Агенты коррупционного механизма различаются диапазоном влияния: одни умеют решать вопросы только в суде первой инстанции, другие обещают сопровождение дел на всех возможных этапах. Разумеется, цена вопроса будет различаться. Оплата судебных услуг крайне диверсифицирована. Это далеко не только отечественные или зарубежные дензнаки. В ход идут оплата учебы ребенка, лечения жены, турпоездки тещи, ремонта дачи и пр. бытовых радостей.

Получение взяток чужими руками – модель судебной коррупции. Процесс облегчается, если звенья системы представляют родственники, когда нотариус, судья, прокурор, адвокат, следователь – одна большая семья. Не случайно еще в 1970-е годы руководитель Азербайджана Г.Алиев запретил принимать на юридические факультеты ребят, у которых родственники работали юристами. Но с правовой точки зрения – это запрет на профессию. И сейчас эта тема жива. С «семейным подрядом» бороться очень трудно, поскольку формально ему можно противопоставить только отвод судьи. Семейная пара – адвокат и судья – не могут работать по одному делу. Но у них есть коллеги, опосредующие запрещенную законом родственность.

«Система устроена так, что очень многие судьи взяток не берут. Вообще. Но деньги имеют левые за дело. Потому что взятки за них берут другие».

«Некоторые и берут, но это самые отмороженные. Но есть некие механизмы. Есть

родственники. Дети руководителей арбитражных судов часто тоже являются юристами по специальности. А им ведь надо где-то работать. Они вот работают в юридических компаниях. И берут деньги за решение вопроса».

«Насколько я понимаю, деньги раздаются такими «решальщиками», «жучками», которые деньги берут и дальше придумывают, как их раздать. И в основном деньги движутся не снизу вверх, а сверху вниз».

«Вот случаи, когда арбитражных судей убивают иногда, или у них что-то горит, это как раз те случаи, когда судьи сами берут, начинают слишком коммерциализоваться. Как негодяи и жулики. Если ты коммерсант, значит, будешь отвечать как коммерсант».

Все наши респонденты говорили о коррупции в судопроизводстве не как о проявлении алчности отдельных судей, а как о системе, где роли расписаны заранее, работают механизмы снижения риска, создана система отбраковки непригодных. Эксперты расходились в оценке масштаба этого явления, но его существования никто не отрицал.

«От 50 до 100 тысяч долларов – цена решения вопроса об отмене незаконного решения первой инстанции. Это по судам общей компетенции, в арбитраже цена больше. Но принципы действуют одни и те же. Система закрытая, не подлежит реформированию изнутри, как любая закрытая система. Она действует по своим правилам, обозначены тарифы, есть каналы, по которым все это оплачивается. Абсолютно не стесняются и ничего не боятся».

Интервью пестрят историями о том, как система перемолола человека, как личностные установки оказались бессильны против системных требований.

«Встретил мальчика, который в генпрокуратуру пошел по блату, по каким-то еврейским связям, и при этом – «Братья не буду! Я буду искоренять преступность» Я спрашиваю у того, кто его устраивал, серьезно ли он это говорит. Пацану 23 года, он лейтенант милиции ... В генеральную сразу устраивается, там такие механизмы задействованы ... Как это он не будет, если куча народу за него подписалась. Как он будет отдавать моральные долги? На что мне отвечают: «Когда я в прокуратуру пришел работать, я тоже думал, что коррупция на мне в советской прокуратуре закончится. И что? Не закончилась, нашла во мне достойное продолжение...»

Сами судьи настолько хорошо понимают обреченность внесистемного поведения, бесперспективность принципиальности, что выбирают стратегию избирательного компромисса: ради отстаивания позиции по ключевым процессам они подчиняются правилам системы по мелким делам. По их мнению, это меньшее из зол по сравнению с полной честностью, что вынудит уйти и уступить место адепту системы.

«Им говоришь: вот зачем тебе это надо? Денег мало? И ответ таков: «Если не я, то на моём месте будет такой, который будет просто все продавать». И поэтому он подстраивается под систему, постепенно погружаясь и погрязая. Такие люди есть, честные, которые реально душой болеют. И в конце концов, когда болезнь становится уже невыносимой, у них либо крышу сносит, либо они разрешают себе больше не болеть душой».

Даже те структуры (консультационные службы, адвокатские бюро, аудиторские фирмы), которые позиционируют себя как непричастные к механизму проплаченных решений, вынуждены считаться с этой системой как с реальностью. Хорошо быть честным, но плохо остаться без клиентов. Работают по принципу: сами не участвуем, но проконсультировать и свести с нужными людьми можем.

«Мы денег не даем вообще. Фактически невозможно определенно рассчитывать на какую-то перспективу по делу. Клиенты решают такие вещи, и мы просто не можем отказать проконсультировать на эту тему. Кто? Сколько? Как?»

Коррупция настолько прочно укоренена в практике судопроизводства, что претендует на установление единообразных правил, особых «законов».

«Обсуждается вопрос... Я вмешиваюсь, мол, почему стопроцентная предоплата? Он говорит, что такие правила. Что это не для него, а для судей. Они, мол, должны быть уверены в серьезности ваших намерений. Поэтому должна быть стопроцентная предоплата. Я говорю, что 40% – сейчас, а 60% – потом, по факту. Он: «Нет, это

незаконно!!» Прошло лет пять, я до сих пор валяюсь... 40% - это оказывается незаконно!»

Надо понимать, что суд – даже самый коррумпированный - это не супермаркет с вывешенными ценами за разные приговоры. Борьба интересов проплачивается зачастую с обеих сторон. Это, с одной стороны, усложняет ситуацию, но с другой стороны, облегчает работу судей, поскольку уравнивает позиции сторон, возвращая ситуацию к классической формуле «перед судом все равны».

«По закону решения выносятся часто тогда, когда платит и тот, и другой. Это вообще идеальная ситуация».

Впрочем, система настолько не прозрачна, что помимо коррупции в ней процветает и простое мошенничество. Никто не может ничего гарантировать в силу трех обстоятельств:

- решение суда первой инстанции может быть отменено вышестоящим судебным органом;
- деньги берут одни, а решают вопрос другие;
- не ясно, с каким финансовым и социальным капиталом включилась в процесс противоположная сторона.

Уже одно это делает процесс принятия судебного решения сложным вероятностным процессом, где исключены какие-либо гарантии. Деньги проигравшей стороне почти никогда не возвращаются, о чем предупреждают заранее. Таковы правила этой игры. Система держится на доверии к тому, кто берется «решить вопрос». На кону – его репутация. Репутация честного нарушителя закона. Обращаться к людям, не имеющим рекомендации в этом качестве, чревато попасть на мошенников. Проигравшая сторона может не знать, что имела дела с простыми мошенниками, не имеющими выхода на принимающих решения судей.

«Мне говорят, что все заносят и вопросы решают. Я говорю, что заноси, кому хочешь, но гарантировать решение нереально. Поэтому там очень много мошенничества происходит. Это вообще довольно криминальная среда».

Не надо думать, что если «коррупционная инфраструктура», связывающая судей и заинтересованных лиц, разрушится, то все судьи разбегутся или, как другая крайность, начнут честно вершить правосудие. Реакция будет дифференцированной. В этом смысле заслуживает внимания классификация судей, прозвучавшая в одном из интервью. Это обыватели, рвачи и правдорубы.

«Обыватели» - это судьи, которые могли бы работать за зарплату, но система предоставила им другие возможности и они ими радостно воспользовались. Они не достаточно активны, чтобы эту систему создавать, но и не достаточно честны, чтобы с ней бороться. Они ее просто используют. Если коррупционные каналы пресечь, они сильно огорчатся, но работать останутся. Возможно, сопьются от переживаний.

«Обыватели – это такие хорошие люди, которые по-хорошему бы налаживают, герань на окне выращивают, подружек имеют, ребенок за границей учится. Вот сели, значит, они на свою толстую попу, там тепло, мягенько. Из них могли бы получиться хорошие судьи, но система их всосала».

«Рвачи» - активные строители коррупционных пирамид внутри судебной системы. При ее демонтаже они уйдут из судейства.

«Рвачи - это люди, которые рвануть пришли, бабок заработать. Это активные люди, которые могли себе спокойно воровать в промышленности, в гос.управлении. Эти ищут, где лучше, где глубже, и там возьмут все. Прямо активная когорта людей».

«Правдорубы» - подчеркнута дистанцированные от коррупционных каналов судьи. Их позиция всем известна, что позволяет использовать их по назначению, а именно решать с их помощью дела, на которые не нашлось покупателей или не сошлись в цене. Если «брать» перестанут все, их обличительный пафос потеряет смысл и они лишатся звания моральных стойков, что может вызвать болезненную реакцию.

«Есть и такие, которые с манией величия, которым прям в кайф богом быть. Правдоруб,

который должен решить судьбу. Его прямо прет от его собственного величия. Это такие волкодавы, которых бросают на дела, которые надо решить по справедливости».

Судебная реформа имеет шансы на успех только в случае учета неоднородности судейского корпуса, его дифференцированной поддержки. Но главное, понимать многоаспектность зависимости судей. Участники судебных разбирательств задействуют сеть горизонтальных контактов для реализации своих интересов. На это накладывается место субъекта в вертикальной иерархии и позиция властных инстанций, формально дистанцированных от судебной ветви власти. Для реализации своих интересов участники судебных процессов используют административные, экономические, политические ресурсы. То есть судебная практика – это не торжество формальных норм, а взаимодействие горизонтальных и вертикальных сетевых контактов, коррупционного торга, административного давления, карьерных ожиданий судей. «Неправосудные решения» вытекают не из низкой квалификации судей, а из их желания найти компромисс профессионального долга и карьерного роста, материального обогащения, воспроизводства корпоративных правил, верности социальным сетям, лояльности руководству. Разнокачественность факторов, обуславливающих неправосудные решения, требует столь же разноплановых мер судебной реформы.

Литература

Арбитражный процесс: Учебник для студентов / Под ред. *М.К. Треушников*. М.: Городец, 2008.

Латов Ю. «Глас народа» о проблемах коррупции: закономерное и парадоксальное // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2008. Том 6. № 2.

Прокудина Л.А. Оптимизация в организации арбитражного судопроизводства в России. – М.: ИД «Юриспруденция», 2007.